

Последняя крепость / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Последняя крепость / рассказ ПОСЛЕДНЯЯ КРЕПОСТЬ

I.

Набираю морскую воду в ладони, сложенные, будто для милостыни. Втягиваю носом и выпускаю через рот. Вода превращается в пену. Она пузырями идёт изо рта, как у бешеной собаки. Сморкаюсь, чтобы вышвырнуть из себя болезнь, до резкой боли напрягая пазухи. Нет облегчения. Лишь сильнее ноет лоб, только резче пульсируют виски.

Надо возвращаться. Он ждёт. Нельзя оставлять его одного. И себя нельзя. Иду к нему по плоским булыжникам вдоль берега моря, не обращая внимания на брызги волн, разбивающихся о камни и падающих веером сверху. Точь-в-точь фонтаны на городской площади. Вижу сначала сизый дым, потом костёр. Рядом недвижно сидит мальчик, одетый в оранжевый комбинезон. В нём он похож на спасательный буй. Машу мальчику рукой, словно отец сыну на линейке Первого сентября. Выдавливаю улыбку. Она стоит боли. Но ему это надо.

Подхожу к костру. Достая из красного пакета бутылку с газированной водой, колбасу в плёнке, йогурт. Всё вскрытое, начатое. Говорю мальчику:

- Ешь.
- Не буду.
- Ты должен есть, иначе умрёшь.
- Я и так умру.
- Хорошо, тогда я съём йогурт и буду жить сам.
- Нет, – мальчик забирает красно-жёлтый пластик, – мы должны быть вместе.

Он принюхивается. Ест, запрокинув банку с йогуртом над головой.

Отхожу в сторону, пытаюсь высморкаться. Ощущение, словно накачиваешь шину, только вместо шины собственная голова.

Сгустки бурого гноя с кровью падают на выбеленные камни.

Мальчик отрывается от йогурта:

– Тебе нужны лекарства.

– Знаю, но не сейчас.

Мальчик облизывает крышку от йогурта, говорит:

– Холодно. Идём домой.

От слова «домой» боль усиливается.

– Позже. Дыши морским воздухом. Это полезно для здоровья.

Он хмурится:

– Для чего мне здоровье?

– Чтобы жить. Ешь. А я проверю местность.

Хватаясь рукой за камни, поднимаюсь на уступ. За ним начинается пустошь, поросшая колючим кустарником, испещрённая шрамами канав, заваленная строительным мусором. Ещё дальше – остовы строений. Там никого нет, даже таких, как мы.

Голова кружится, взлетает и падает. Как в школе, – мы называли это состояние «вертолёт» – когда напьёшься пива, ляжешь спать, пока родители не видят, но лежать не можешь – мутит. Разводы перед глазами, пульсация в висках. Нужны лекарства. Но они, если повезёт, будут лишь завтра.

А пока бубнить позитивные установки, аффирмации из книги Луизы Хей. Большое красное сердце на мягкой синей обложке. Книгу, когда я лежал в челюстно-лицевом, подарил мне сосед по палате, грустный толстяк с лицом, похожим на смазанный салом мясной пирог.

Согласно Хей, метафизическая причина насморка – обиды. Надо простить – давно пора – жену, мальчика, себя, жизнь. «Я прощаю себя и всех людей. Я люблю и одобряю себя». Слова бегут белыми буквами – так учили запоминать в школе – на чёрном экране сознания. Говорю вслух, резко, как проклятия. Возвращаюсь.

Мальчик пьёт газировку. У неё едкий – можно подавать сигналы с берега – зелёный цвет. На песочной куче крестом выложены голыши. Из песка торчит ветка.

– Что это?

– Мой храм.

– Надо идти домой.

Складывая остатки продуктов в пакет, задеваю кучу. Ветка

падает. Футболу голыши носком рваного кроссовка. Один улетает в море, плюхает. Повторяю:

– Идём.

Не двигается. Едва слышно, заикаясь, как всегда, когда нервничает, шепчет:

– Т-т-ты разрушил мой храм.

Его левая щека дёргается. Глаза влажные. Кулаки сжаты. Вот-вот ударит.

– Надо идти! – стараюсь говорить уверенно, но звуки слабые, шипяще-свистящие.

– З-з-зачем ты разрушил мой храм?

– Прости, я не знал, что это твой храм. Нам правда надо идти. Скоро они будут здесь.

– Поэтому я и построил свой храм.

– Это поможет?

– Поможет, – упёрто говорит он, и кулаки разжимаются, глаза блестят. – Пообещай мне, что больше мой храм не разрушат.

Никогда я не видел его таким серьёзным.

– Обещаю.

– Честно?

– Честно. Обещаю.

Он улыбается:

– Тогда идём. Я построю нам новый храм.

По камням мы поднимаемся на уступ, и молча бредём к нашему дому.

II.

Его основа – обгоревший строительный вагончик, облепленный клеёнкой, брезентом, линолеумом. Рядом чернеет пепелище костра. Есть умывальник с пробитой раковиной. Мы живём как короли. Короли из трущоб.

Открываю дверь вагончика. Мальчик спрашивает:

– Мы будем обедать?

– Ты только что ел.

– Хочу ещё.

– Нам надо экономить продукты.

Молчит, опускает голову, всхлипывает. Не понимает, что еды осталось на два-три дня. Но ему надо есть. От этого никуда не деться. Он и так стал похож на фабричного цыплёнка: худой, бледно-синий с торчащими костями.

– Хорошо, – треплю его по жидким соломенным волосам, – мы пообедаем.

– Честно-честно?

– Конечно. Тебя устроит суп?

Он кивает головой так сильно, что кажется – она вот-вот отделится от шеи.

– Отдохни, а я приготовлю суп, – захожу в вагончик. На полу, застеленном кусками линолеума и лохмотьями, свалены полосатые матрасы с торчащим жёлтым поролоном.

– Я не устал.

– Тогда будем готовить вместе.

Уже привык к его переменам настроения, но сейчас они невыносимы. Сейчас время ожидания, а значит время беспокойства, тревоги. Из-под валуна, поросшего липким зелёным мхом, достаю полиэтиленовый пакет с картофелем.

– Чисти картошку.

– А ты?

– Я разожгу костёр.

Деревянные с серой спички, бумажные со свинцом газеты. Поджигаю, приношу из вагончика хворост, кормлю зачавшееся пламя. На алюминиевой кастрюле – толстый слой копоти. Суп будет из отстоянной морской воды. Пресной почти не осталось.

– Опять суп из морской воды? – морщится мальчик.

– Что значит опять? В последний раз он был из нормальной воды.

– Я не хочу суп из морской воды.

– Ты же хотел есть. Мы договорились.

– Т-т-ты не говорил, что он будет из морской воды, – он опускает руки. Сморщившаяся картошка падает на землю.

– А что ты, чёрт возьми, хочешь?!

Ударом ноги переворачиваю кастрюлю. Земля, будто собака, лакает воду. Ору, доводя себя до исступления. Голову простреливает резкая боль. Падаю рядом с перевёрнутой кастрюлей.

Мальчик плачет, закрыв лицо руками. Я лежу, обхватив руками голову, шепчу:

– Не реви, не реви...

Он должен перестать плакать. Видит же, что мне плохо. Но он плачет. Нет сил, чтобы встать. Подползаю к нему на коленях, хватаю за руки, ору:

– Посмотри на меня! Посмотри на меня!

– Н-н-не х-х-хочу.

– И я не хочу! Не хочу жрать этот суп! Не хочу спать на этих матрасах! Не хочу жить в этом вагончике! Но другого у нас нет! Понимаешь? Мы должны жить с этим!

– З-з-зачем?

– Мы люди... а они должны жить.

На глазах – слёзы. Потому что понимаю: нет – да и не было никогда, но сейчас это особенно ясно – того, ради чего стоит жить. И понимание хуже боли.

Мальчик отнимает руки от лица, просит:

– Н-н-не плачь, пожалуйста. Я понял. Только не плачь.

В его взгляде решимость. Будто он говорит о храме. Она успокаивает лучше всякой аффирмации. Пытаюсь улыбнуться в знак примирения. Выходит ухмылка.

– Давай делать суп.

Мальчик кидается к костру. Чистит картошку ножом с оплавленной рукояткой. Я встаю. Развожу костёр. Набираю воду, ставлю кастрюлю на костёр. Кидаю в неё гнилую луковицу, очистки морковки, горсть фасоли. Мальчик суетливо протягивает картошку.

III.

Суп пахнет морской капустой в жестяных банках из детства. Едим его вместе с сухарями. Опускаем их в варево и ждём, когда размокнут. Сухари очень нравятся мальчику. К супу он не притрагивается.

Едим в тишине. После бесцельно сидим, наблюдая за пламенем костра. Мальчик молчит. Голова сползает к коленям. Наконец, замирает. Костлявые плечи двигаются в такт дыханию. Уснул.

Отношу его на руках в вагончик, укладываю на матрасы, накрываю тряпьем. Стою, глядя на него. Возвращаюсь к костру, чтобы привести мысли в порядок. Слушаю ветер, пронзающий пустоту между камнями. Только камни и могут устоять. Почему я не из камня?

Перед глазами мой дом, мой бывший дом. Дубовые двери, плетёная мебель. Пыльные книги на полках, цветы в хрустальных вазах. Всё превратилось в пепел. Я просеивал его между пальцев, пробовал на вкус, стараясь оживить прах дыханием. Но он лишь разлетался по миру.

Боже, что с моей головой?! Стиснуть её руками, – почему не стальные клещи? – раздавить. Или разможжить голову о камень. Например, об этот, похожий на швейцарский сыр дырками и цветом. Под ним еда, скарб, утварь. Собственно, я и сам под ним. Прячусь трусливой ящеркой, превращаясь в тень. Бесплотную, проецируемую, чужую.

Но мальчик в вагончике живой, из плоти. Пусть я мёртвый, но он живой. И сейчас моя задача сделать так, чтобы мальчик дожид до утра. Хотя бы до утра.

Тушу костёр, мочась на него. Захожу в вагончик. На носочках ступаю по скрипучему полу, пробираясь в дальний угол. Раскидываю гору картонных коробок. Под ними грязная холщовая сумка, перемотанная бечевой. Распаковываю.

В сумке пистолет. Настоящий, стальной, с пулями. Вре́мён Второй Мировой Войны. Так мне сказали продавцы. За пистолет пришлось отдать последнее из того, что было. В моём случае это не штамп и не преувеличение. Глажу сталь подушечками пальцев, взвешиваю на ладони, втягиваю запах масла ноздрями. Убеждаю себя.

Выхожу на улицу, закрываю двери вагончика, взбираюсь на укрепление. Бубню аффирмации и всматриваюсь в темноту.

IV.

Наш вагончик находится в полукруге, образованном каменными холмами. Попасть в него можно только через проход между стенами, сложенными из железобетонных плит, заваленных строительным мусором. Вся эта конструкция, в которой вагончик

надёжно укрыт от случайных посетителей, по форме напоминает греческую букву "Ω".

Лежу на одной из плит прохода. Рядом черепами с картины Верещагина сложены камни. Я – часовой механизм. Отсчитываю мгновения до появления ночных гостей.

Ветер доносит крики, брань. Вжимаюсь плотнее в пластиковые мешки с застывшим цементом, правой рукой сдавливаю камень. Холодный, влажный, гладкий.

Они идут медленно, спотыкаясь и падая. То разбредаются, то сбиваются в кучу. Периодически останавливаются. Вертят головами. В темноте они плотные тёмные сгустки. Их можно сосчитать – пятеро.

Я думал о них сегодня. Фантазировал – как, словно герой древних летописей, зажму их в ущелье и буду закидывать камнями. Чем не битва культуры и варварства?

Хотя и я, и они больше похожи на собак Павлова, чем на людей. Поэтому не надо громких метафор. Так, очередной междусобойчик. Драка за место на рынке.

Нащупываю пистолет в кармане куртки. Успокаивает, делает сильнее. Шесть пуль. Гости пятеро. Есть запас. Но пока что лучше использовать камни. Попытаться разmozжить одному-двум головы.

И вдруг – мысль. А что если отдать им мальчика? Отдать и забыть.

Впрочем, нет времени думать. Они уже у завала. В двух десятках метров от меня. Один из них натянул на голову капюшон. Даже в темноте я понимаю, что это он – Седой.

При других обстоятельствах пришедшие выглядели бы комично, вооружённые палками, арматурой, ножами, топором и утюгом. Утюг – насколько могу рассмотреть – раритетный: огромный, причудливый и, наверное, тяжёлый. Его держит мужчина в широких чёрно-зелёных штанах футбольного клуба «Боруссия». Такие были популярны в конце девяностых. Не достать. Но жена смогла найти и подарила их мне на первую годовщину.

Как только я думаю об этом, картинки прошлого втискиваются в сознание, будто утренние пассажиры в вагон метро. Что это? Предсмертный калейдоскоп? Или боязнь не успеть вспомнить о

самом главном?

V.

Мы познакомились в киевском Доме Кино. На закрытом показе американских фильмов тридцатых годов. «Двойная игра» с Жанетт Макдональд. Любовь французского и испанского шпионов. И фоном наша любовь. Две стопки «Закарпатского» коньяка, шоколад «Корона» с лесными орехами.

Я сделал ей предложение через три месяца после знакомства. Венчание, радость, клятвы. Это потом начались все эти слишком: слишком много встреч, слишком много знакомых, слишком много кофе с коньяком. Она пропадала либо на премьерах, либо в Доме Кино, либо на съёмках.

Главное воспоминание той жизни – ужин, стынущий в её ожидании. Она приходит ближе к полуночи, с подругами или одна, но всегда с улыбкой и запахом алкоголя. Постепенно улыбка растягивалась и как бы опадала, а запах усиливался и по-хозяйски обосновывался во всей квартире.

Когда её привели под руки в первый раз, я не поверил. Обвинил притащившего её рыжего толстяка, ударил. Потом извинялся. Выставлял коньяк, водку, кормил пловом в столовой Дома Кино, от чего его небритая потасканная ржавая морда, кажется, разрасталась ещё больше.

Но приводить стали чаще. Зная об инциденте с толстяком, звонили в дверь и ретировались. Я, плача, стоял в дверях; она, блея, лежала на коврикe возле двери. Коврик облюбовала соседская такса. Вонь собачьего дерьма смешивалась с перегаром. Я нёс жену в ванну, мыл, обтирал мочалкой (она называла её вехотка), укладывал спать.

Утром жена улыбалась. Вспоминая вчерашнее, улыбалась ещё шире. Говорила о натуре творческих людей, целовала в лоб и убегала. Съёмки, премьеры, показы.

Я ходил к знахарям, экстрасенсам, магам. Закодировать от алкоголя на расстоянии, как писалось в объявлениях, без ведома пьющего. Не помогало. Только грех на душу взял. Обращался к православным отцам. Те говорили о молитве и посте. Но как?

Один раз удалось затащить её в храм, поддатую. Она хохотала. Паства шикала. Потацил её к бабушке. Длинными ногтями она царапала мраморный пол и выла, вращая глазами.

Однажды возле дороги, шесть полос, волоча её пьяную, я закричал:

– Бросайся под машину! Ты же убиваешь себя! Оставь меня в покое!

– Я жить буду, – как-то чудовищно трезво сказала она.

После этого я начал собирать документы на развод. Думал, куда пойти жить. Но бросить её было страшно. Хотя ещё страшнее было наблюдать, как она убивает себя.

И тогда случилось, то чего я, наверное, жаждал.

Нашёлся сочувствующий, тот, кто рассказал, как это произошло. Лысый мужик с родимым пятном говорил так, словно поступал с изложением в университет. А я мазохистски слушал. Лысый рассказывал и причмокивал мясистыми, будто у негра, губами.

Три бабы переходили дорогу. Шёл за ними. Вдруг одна, блондинка, упала. Бабы заверещали. Подбежали люди. Стояли, глазели, уходили, не зная, что делать, не желая что-то делать. Одна из баб верещала, что у блондинки астма, мол, она задыхается.

– Была у неё астма? – спросил лысый.

– Нет.

Перевернули на бок, продолжал рассказ лысый. Открыл бабе рот, держал руками, чтоб не закрылся. Машины гудели, объезжали. Никто не остановился. Две бабы курили, народ расходился. Кто-то спорил, кому вызывать «скорую». Сообразили, что звонить 101 бесплатно, вызвали.

Пульс был. Щупал на шее. Знаю, где щупать. Афган прошёл. Блондинка лежала. Вроде дышала. Увидел у неё во рту жвачку. Вытащил пальцем. Подошла кривая тётка в милицейском ватнике, спросила, в чём дело. Объяснил, что задыхается женщина, херово ей. «Скорую» вызвали? Вызвали. Дышит? Дышит. Хорошо, что вызвали, хорошо, что дышит, сказала кривая тётка в милицейском ватнике и ушла.

Потащили блондинку на скамейку. Оказалась тяжёлая. Вроде молодая, а пузо открылось, всё в складках, шарпей. Тут завыла

сирена «скорой». Блондинка открыла глаза, потребовала сигарету.

Вдруг, лысый причмокнул особенно смачно, я сообразил, куда повезёт её «скорая». Если плохо бухому, а баба бухая, то везут не в обычный приёмник, а в распределитель. За бабки. Не свои же платить. Я им о бабках-то рассказал.

Они напряглись, окрысились. Блондинка вообще как услышала, что надо платить, завизжала. Рожа мухоморчатая у неё стала. Визжит, требует бахнуть. Подруги дали ей водки – у них из сумочки чекан торчал. А тут «скорая»...

Лысый причмокнул и замолчал. Поёрзал на скамье с оторванной спинкой.

– И? – мой нелепый, бессмысленный вопрос.

– Не успела «скорая». Десять метров, а не успела...

Я сунул ему в грязную ладонь двадцатку и поехал в морг. Сначала стало легче, – избавился наконец, теперь заживу – но потом я понял, что это не её смерть – моя. Только моя. Потому что есть такие люди, которым надо жить кем-то, собой они жить не могут. Я из таких людей.

Когда похоронил, взорвался. Пил, бухал, ужирался. Хотя вроде бы никогда не был склонен. Теперь надо было спасти меня, но все убудочно делали вид, что ничего не происходит.

Банально. А бывает иначе? Говорят, что каждый человек может рассказать о своём опыте общения с Богом. Это будет его личное евангелие. Наверное, в ту ночь, когда я лежал в постели, рядом пылали простыни, занавески, скатерти, а мне снилось озеро (я даже название слышал во сне – «Геннисаретское»), Бог явственно ощущался рядом. Я не хотел просыпаться. Открыл глаза только тогда, когда меня вынесли на улицу из горящего дома. Лежал под деревом и наблюдал, как то, что было моим домом, превращается в сажу и пепел.

Это воспоминание о прежней жизни последнее. Мальчик думает, что я спас его, но на самом деле он спас меня.

VI.

Мысль о мальчике – разряд в сердце. Оборачиваюсь к вагончику;

закрыта ли дверь? Всё в порядке.

Приподнявшись, бросаю первый камень. Женский, кажется, визг, мат. Ещё один бросок. В ту же тень. Она падает, хватаясь за голову. Двое пытаются поднять её. Она висит на них, растопырив руки, как пугало в поле. Третий раз за всё платит. Камень – вижу – попадает ей в висок. Обмякает, падает.

Не останавливаться. Побеждает тот, кто идёт в нападение. Бросок. И первый промах. Хуже: они замечают, откуда летят камни. Седой указывает рукой в моём направлении. Прижимаюсь к мешкам, пытаюсь слиться с ними. Руки дрожат, не слушаются. Телом ощущаю пистолет – уверенность, моя уверенность, стальная, надёжная, совершенная. Помогает собраться. Осыпаю врагов камнями, точь-в-точь как при обороне древних городов. В ответ мне – брошенный кирпич. Почти в цель. Задевает висок; струйка крови дождевым червем ползёт вниз, липкая, бурая.

Бесполезно швырять камни. Меня обнаружили. Мне отвечают. Двое лезут на стену, остальные бросают арматуру, кирпичи, камни. Было бы оружие – стреляли. А у меня есть пистолет. Весомый аргумент. Им можно и нужно воспользоваться.

Достаю, взвешиваю, передёргиваю затвор. Стреляю в мужика с утюгом. Его ярко-зелёные едва ли не фосфоресцирующие в лунном свете штаны – отличная мишень.

Пуля попадает в живот «утюга». Он падает вниз с завала. Отличное место я выбрал, настоящее укрепление. Здесь им меня не достать.

– Обходите с другой стороны! – орёт Седой.

И они устремляются вперёд по ущелью. Хотят обойти сзади. Если ещё не видели вагончик, то сейчас увидят. А в нём – мальчик. Он может выйти. Да, место я выбрал отличное, только одного не учёл – фактор мальчика. Вагончик закрыт, но они могут легко ворваться внутрь. Надо возвращаться, бежать. Альтернативы нет. Швырнув несколько камней, угодив в кого-то, поднимаюсь, бегу к краю, спрыгиваю.

У вагончика есть ещё одно укрепление. За валуном. Главное, чтобы не оставили силы. Надо вытерпеть эту пульсацию, эти капли гноя на губах, эту боль, от которой сводит судорогами лицо и слезятся глаза.

Едва опережая здоровяка, размахивающего палкой с торчащими гвоздями. Он выбегает из ущелья, мечется на площадке перед вагончиком. Выстрел, пуля пробивает череп, проходит навывлет. Фонтанчик крови, как расцветающий бутон в ускоренной перемотке.

Не думал, что могу убивать. Не знал, что это будет так просто. Возможно, дело в том, что я болен, поэтому мой внутренний диалог отключен.

Осталось двое, в том числе Седой. Осторожничают. Первый падает на площадку перед вагончиком, вдавливая себе в землю. Не двигается. Седого не видно, – он в темноте, поодаль – но хорошо слышны его матерные призывы идти вперёд.

Закидывают камнями и арматурой. Ракушечный камень, разбиваясь о валун, жёлтым конфетти разлетается в стороны. Лежащий не двигается, держится за топор. С одной стороны у него – пули, с другой – угрозы вожака. Но пули страшнее, раз он не бросается на меня.

Прицеливаюсь, стреляю. Пуля шлёпает рядом с головой лежащего. Он орёт, но не двигается. Надо использовать его панику, пока он мишень в тире.

Вновь мимо. На этот раз рядом с ногой. Отказываюсь верить. Но вдруг лежащий вскакивает и бросается обратно в проход. Он сделал выбор.

Теперь я остаюсь один на один с Седым, как тогда, в стае.

– Брось пушку, сука!

От крика Седого, будто вырванного из кино, трещиной невольно прорывается улыбка. Но в душе страх. То, что началось полгода назад, должно завершиться.

VII.

Когда мой дом сгорел, я остался один, бесполезная увядшая смоковница. То, что связывало меня с миром, разорвалось. Любое его выражение – работа, друзья, знакомые места – угнетало. Казалось, я перечитываю историю своей болезни.

Наверное, человек, которому плохо, стремится сделать ещё хуже. Чтобы переродиться. Дойти до пиковой точки, а потом

обновиться. Я достиг её, но обновления не было. Застыл истуканом, подставленным под пыль, грязь жизни.

Так я уехал из города. Сначала квартиры, потом коридоры, лестничные площадки, подъезды, наконец, улица. Ближе к октябрю я, словно протрезвев, хотя в тот момент был совершенно пьян, понял две вещи. Первое – я бомж; второе – одному мне не выжить.

И тогда, вспомнив телепередачи из той жизни, я решил прибиться к стае. Одним из её лидеров был Седой.

У стаи свои правила. Не принять их нельзя. Принял, впитал, стал новым. Седой был моим наставником. А потом появился мальчик. Появился, чтобы нарушить закон. Собственно, он жил в стае и раньше, но было не до него. Про мальчика говорили, что он сбежал от родителей, потому что те заставляли его варить и продавать «винт». Но это был только слух. Ещё один. У каждого в стае был свой слух.

Однажды я застал мальчика рыдающим. На мои расспросы он не отвечал. Но я выяснил, добился правды. Мне пригодился опыт, полученный в семейной жизни.

Пожалуй, дело было даже не в том, что Седой изнасиловал мальчика. Проблема заключалась во мне. Превращение в зверя было невыносимо. Так же, как не каждый может быть святым, так и не каждый может быть злодеем. Я оказался из тех бесполезных людей-атавизмов, которые оперируют понятиями добра и зла.

Седой храпел, привалившись к кирпичной стене. Рядом лежал смятый пакет «777». Расстёгнутая ширинка зияла старушечьим ртом. Наверное, именно она окончательно убедила меня в том, что падать мне дальше некуда. И мальчик – абсолютно незнакомый, чужой – должен был стать обновлением.

Ударом ботинка я поднял Седого. Бил сначала в лицо, потом в живот, печень, не давая сползти по стене. Он – пьяный, ничего не соображавший – вяло закрывался от ударов ладонями. Его штаны спали, обнажая вялый член в рыжеватых зарослях. И тут я увидел на полу строительный шпатель. За меня всё решила ярость. Я схватил шпатель и рубанул. Дикий нечеловеческий крик. Несколько раз ударил Седого в висок. Чтобы заткнулся. Он рухнул на землю. Кровь растекалась по его белым, покрытым

кучерявыми волосками бёдром. Крик должен был поднять всех на ноги, но никто не появился.

Я вернулся к мальчику, собрал его и свои вещи. И мы ушли. Навсегда.

Дальше была новая жизнь. Скитания по городу, прятки, лишения. И наконец – пустошь, вагончик, берег моря. Здесь мы обрели покой. Пока однажды Седой не выследил нас.

VIII.

Выхожу из-за валуна, спрятав пистолет в карман брюк. Камни уже не летят в меня. Седой замер в проходе. Лунные лучи, словно милицейские фонарики, пытаются выхватить его из темноты. Кричу:

– Выходи!

Седой понимает, что на моей стороне преимущество. Но всё равно выходит. Звериная жажда крови доминирует над человеческим разумом. Он шипит, закуривая:

– Ну, стреляй, сука...

Знает, что говорит, что делает. В нём нет разума, но есть чутьё. Потому что он всё равно сильнее.

Будто в компьютерной игре, словно не со мной, достаю пистолет и нажимаю на курок. Пуля вылетает чудовищно медленно, похожая на муху, устремляется к Седому. Слышится треск. Пуля попадает в железобетон.

Седой хохочет. Смех у него дурной, завывающий, с присвистом. Стреляю повторно, не думая и не целясь, лишь бы прекратить всё это. Поддаюсь эмоциям. А надо бы действовать рассудительно.

Но нет даже выстрела. Пуля не вылетает из дула. Я мысленно пересчитываю все израсходованные пули. Должна быть ещё одна. Должна! Навожу пистолет на Седого и вновь нажимаю на спусковой крючок. Выстрела нет.

Седой уже не смеётся. Ухмыляется. Подобрав топор, идёт на меня.

Хочу ответить, но связки – тонкая паутина, сделай усилие – оборвутся. Седой приближается на расстояние нескольких шагов. Маятником отводит топор вправо, влево, гипнотизируя паникой.

Отчаяние. И ноги такие мягкие, точно складывающиеся пластмассовой пружинкой для игр. Нет пуль, нет преимущества, нет уверенности. Отбрасываю пистолет в сторону, избавляюсь от лишнего груза. Нужна лёгкость в движениях, ясность в голове. Но нет ни того, ни другого. Есть Седой с топором, и он совсем близко. Выпад, удар. Не могу увернуться, стою как дерево перед лесорубом. Клинок топора рассекает край плеча, задевает кость и срезает мясо. Так в ларьке с шаурмой гастарбайтер полосует курицу, насаженную на вертел.

Смех, взмах. Закрываю глаза. Всем телом подаюсь назад, семеня, отступаю и, наконец, падаю. Нет сил. Даже чтобы открыть глаза. Все эти укрепления, обстрелы камнями, суета, стрельба – всё было напрасным. Сдался в последний момент. Устал. Смирился. Погиб. И вдруг голос:

– П-п-папа?

Голос мальчика. Но ведь он заперт в вагончике, ему самому не выйти. Или я умер, и мне это лишь кажется? Нет, жив, чувствую липкость крови на руке. Мальчик стоит в проёме вагончика, бледный, костлявый, испуганный, но совсем другой. Только глаза такие же как сегодня днём, на берегу моря, когда он говорил о храме.

– П-п-папа?

Сил нет, но есть воля. Встаю на четвереньки и прыгаю на Седого. Он, крякая, падает на землю. Прижимаю ногой к земле его руку с топором. Плашмя лежу на Седом, понимая, что этот прыжок был моим последним усилием. Мы оба знаем, что он победит. Седой по-собачьи клацает зубами. Хохмит, издевается. И эта тактика изматывает сильнее всякой борьбы. Тело превращается в вату. Седой двумя ногами отталкивает меня от себя. Лечу назад. Теперь всё.

– Зря рыпаешься, гнида, – встав, скалится Седой. – Пора заплатить.

– Папа! – кричит мальчик.

Никогда он не называл меня так. Поворачиваю к мальчику голову – попрощаться. Но его взгляд обращён не ко мне. Он смотрит на Седого. Зовёт его. В руках мальчика пистолет. Он держит его у земли неподъёмной ношей.

– Собирай вещи, сынок, – не опуская топора, говорит Седой, – мы уходим.

– Я остаюсь.

– Повторяю в последний раз, сучонок: мы уходим.

– П-п-прости, папа, но я остаюсь...

Двумя руками мальчик медленно поднимает пистолет. Лицо перекошено, бледное, почти прозрачное в лунном свете. У меня нет сил, чтобы действовать, только быть наблюдателем. Седой опускает топор и ухмыляясь говорит:

– Хотя нет, сучонок, никуда мы не пойдём. Сначала этого кончу, – он клинком указывает на меня, – а потом тебя...

Верю Седому, пули ведь кончились. Но мальчик не знает об этом, поэтому происходящее – фарс и трагедия. Седой сплёвывает и заносит топор.

Зажмуриваюсь и первый раз прошу не за себя – за другого. Молюсь, чтобы мальчик был жив.

Свист, вскрик, хрип. Но смерти нет. Её жало не ранит. Чувствую навалившуюся массу – тяжёлую, тёплую, хрипящую. Сначала ощупываю, потом открываю глаза. Передо мной опухшее лицо Седого. Рот перекошен в звериной ухмылке, открывающей мелкие гнилые зубы. Глаза – жёлтые белки с красными венками – выпучены. Отталкиваю Седого двумя руками. Несколько раз перекатываюсь и замираю, лёжа на спине, широко раскрыв глаза; убитый на поле боя солдат из документальных хроник.

На фоне луны – лицо мальчика. Глаза, кажется, стали ещё больше. Он опускается на колени, улыбается, точно солнце лёд плавит, и ложится рядом со мной.

Луна – бледная, больная, какая-то нервная. Но во мне памятником спокойствие. Лишь на мгновение в нём образуется трещина – испуг; завтра надо найти новое убежище, ведь будут искать. Впрочем, найдут не сразу; успеем проститься с вагончиком, пустошью, морем.

Мальчик дёргает меня за рукав:

– Пойдём, пойдём...

Мне придётся встать – не отстанет. Он поднимает мою руку, взваливая себе на плечи, как здоровый больного. Тащит меня к вагончику.

– Как ты выбрался?

– Дверь была открыта.

Мне ещё хочется спросить, откуда вязалась пуля, но этот вопрос даже глупее, чем первый.

Мы заходим в вагончик. Мальчик помогает мне опуститься на грязное ватное одеяло. Садится рядом и показывает рукой:

– Смотри.

На чёрном полу – песочная пирамида, на ней голышами выложен крест.

– Что это?

– Наш новый храм, – улыбается мальчик. – Я же говорил, он поможет.

Это было его обещание. Он сдержал слово. Как и я своё. Возможно, жить – значит исполнять обещания, данные друг другу. Обнимаю мальчика за плечи. Прикладываю ладонь к ладони, ощущая его тепло, передавая своё. В мутные окна вагончика пробиваются первые рассветные лучи.

Рассказ опубликован в сборнике «Рёбра» (Издательство «Дикси Пресс»)

Об авторе: ПЛАТОН БЕСЕДИН

Родился в Севастополе. Высшие образования: радиотехническое и психологическое. Работал инженером-испытателем, педагогом, конструктором, копирайтером, сомелье и др. Автор романов «Книга Греха» (2012), «Учитель. Том 1» (2014), сборника рассказов «Рёбра» (2014). Публиковался в журналах «Дружба народов», «Новая юность», «Радуга» и др... Колумнист изданий «Свободная пресса», «Московский комсомолец», «Известия» и др. Рассказы переведены на английский, немецкий, итальянский языки. Neкаýalar